

Эльдар Шенгелая:

«СИНИЕ» ПРИШЛИ!

НЕВРАЗУМИТЕЛЬНЫЙ ДИАЛОГ С ИДЕАЛИСТОМ

Представляю себе, как раньше прилетела бы на Всесоюзный фестиваль такой человек, как Эльдар Шенгелая, первый членок в грузинском кино и — редкий случай, совпадение — еще и первым начальником. Он летел бы каким-нибудь спешкой, с аэрофобской коммивояжерской, и всеми прочими онбранами. Но знаю, правда, люди по потомкам великих художников все эти совпреды, и они учили полагаться на долину.

И жил бы он здесь, в Союзе, конечно же, в двухкомнатном люксе. И питалась бы тоже по особому разряду. Да что там говорить, когда поднимают прошлую, по сути, в задний комитет президиум? Хочешь не хочешь, в наде Фада, падай.

Сейчас он сидит по долгим переходам «Жемчужиной», неизвестной и незнаменитой (еще был Он же не Кристине Орбакайте), среди беспредельного гротеска и горячих автомобилей, и то и дело вспыхивающих на табло «Джек Потт» — английским буквами. Вокруг все вспыхивает, пылит, кипят, пылает, пылает дурацкими бычьими

Биттинара, шлепают тапочкими в бассейн с подогретой морской водой, шлают долларовые цинники в бутылках, торчат языки под закону, данному Адамом и Евой, клачут истериками загонки, левы, левы, левы...

Кстати, о левинах. В своем последнем, никому, известном, неизвестном фильме «Экс-прессинформации» (ну скажите, что сегодня подходит не такое название вообще?), который Шенгелая снимал три (!) года...

...и начать снимать еще по заказу бывшего Госкино, добавляет он:

— Так вот, в этом, как раз фильмов художники и размышают о Левине с большой буквы. О левинах, о радикализме, то есть о немедленном стремлении к немедленному прогрессу, живущему лишь в распаленном воображении империальных демократов.

— «Синие принципы» — говорит секретаря своему шефу, молодому и политически мобильному (в этой роли прекрасный грузинский актер Зураб Кипшидзе — мы его видели еще малчиком в картине Лины Гогоберидзе «Когда цветет миндалинка», в потом он играл у Пе-

раджанова). И мобильный шеф сразу манит портрет на стене — вместо некоего в пиджаке в галстуке — позависеть некто в галстуке и бороде.

Мы так и узнаем, что такие «синие», но, по-видимому, это крамные радикалы — болбисты с заросшими, хлопьями щечами и недоброй свирепящими глазами. Вот такие «превозможеры» на час, наверное, и довели благословенную Грузию до ее нынешнего состояния, в ворчании...

А впрочем, была ли она благословенная эта Грузия, вечно гостеприимная горная республика? Теперь мы знаем, что на гостеприимство ей отпускали немалые средства, это были бы спецификации, как в Узбекистане — злоты, а в Молдавии — колхоз-сад. Помимо же шенгелевские «блестящие горы! И это колорирование безделья, где, как белка в колесе, крутится в нежном подательстве некое производство искусств, тщетно пытающееся выйти из несуществующего читателя.

Там — голубые, здесь — синие. Разные оттенки, но художники, бесконечно влюбленные в свою страну, никогда не делали ей сказки — ни голубой, ни синий. Пока «синие» в «Экспрессинформации» мрачно сидят в кабинетах, всем своим видом призывают к немедленному разрушению всего и всех, нам на экране показывают националистическую установку по переработке стеклянной тары — ее прудимы и утверждают, что самый мобильный и демократичный шеф. Привезет премиончую комиссию, со скрежетом включают винтажную, и она начинает стрелять пустыми бутылками направо и налево: да нет, старые женщины куда наденились, они стоят где-то там, сзади, неизменно, и спокойно бьют этих бутылок вручную. Бог с ним, с прогрессом!

Я рассказала Шенгелая, как посмотрела этот фильм на кинорынок в городе Выборге, в совершенно пустом зале старинного финского кинотеатра, тоже называвшегося «Выборгом». Он уединился — нет, не потому, что пустой зал. Но тому, что где-то что-то вообще можно показывают.

Так мы知道了 первое и

самой блазенской — темы — проект.

Вобщем надо сказать, что это было очень странный диалог — не скажу, чтобы глухих, но люди с очень разной степенью вины в галстуке и бороде.

— Вы приехали сюда, в Союз, спасать кино — спросила я Эльдара Николаевича.

— Да, безусловно. И я думаю, что все мы вместе еще можем это сделать.

— А как, простите?

— Ну, я думаю, что все зрители должны принять некоторые адекватные законы о кино.

Здесь, по слове «законы», признается, захотелось засмеяться. Что в нашей жизни есть сегодня более приемлемые способы, чем творческий фильм в проекте, если это невероятно запутанную механику.

— Вот синько, — заключаю я, — и не дадут и сейчас не дадут принять никакого более или менее европейского законодательства.

— Вы живите в Грузии, — отвечает Шенгелая, — буквально разрываясь на части между несколькими проектами.

Я даже-то умоляю его о пояснении:

— Я думаю, что это было очень трудно, — говорит Шенгелая. — У нас, например, есть такой проект, и мы его в какой-то степени уже претворяем в жизнь. Одну попытку я уже совершил в Грузии. Мы сняли американцы, и за этот счет собираемся жить.

— А вы не боитесь, что только сегодня вы живете на этой второй половине? А завтра, вновь?

— Да, конечно, дадут деньги, и может быть, даже больше, и даже дадут работу, но вы становитесь как бы творческими подмастерьями с высокой квалификацией. Я это говорю, потому что вот в этот момент вспомнила, скажем, о наших мультипликаторах. Они ведь на нас единственным образом оказались конкурентоспособны на мировом рынке: их покупают. И они, естественно, продаются за границу, с Запада и даже на Турцию.

— Ну, как же, — говорит Шенгелая, — я вот в цивилизованных странах...

Не могу уже слышать слова «цивилизованные страны». Какое отношение это имеет к нам?

— Вот в Монголии, — продолжает Эльдар, — люди же хотят на фильмы. И здесь, и по-соседству в Европе борются с записью американского кино.

— Да, вот именно. Как поясняет?

— А что вы знаете, — спрашивало уже я его, — о так называемых дистрибуторах?

— Ну то есть о прокатчиках — остроожно переспрашивает меня Шенгелая.

— Ну не совсем прокатчиках. Это как раз те, кто стоит между фильмопроизводителями и кинопрокатчиками.

— Конечно. Но если речь идет об определенной материальной, технической и финансовой помощи? Разве такое невозможно?

театром. Кто закупает и продает фильмы, кто занимается музыкой, кто как раз и наружу вспоминает о своем.

Дальше мне невольно приходится растолковывать человека, в своей Грузии совсем уж забывшему, что такое отечественный фильм в проекте, если это невероятно запутанную механику.

— Вот синько, — заключаю я, — и не дадут и сейчас не дадут принять никакого более или менее европейского законодательства.

— Ну, конечно, это было еще на заре перестройки, в эпоху «санкций»...

— Да, безусловно. И я думаю, что все мы вместе еще можем это сделать.

— А как, простите?

— Ну, я думаю, что все зрители должны принять некоторые адекватные законы о кино.

Здесь, по слове «законы», признается, захотелось засмеяться. Что в нашей жизни есть сегодня более приемлемые способы, чем творческий фильм в проекте, если это невероятно запутанную механику.

— Вот синько, — заключаю я, — и не дадут и сейчас не дадут принять никакого более или менее европейского законодательства.

— Вы живите в Грузии, — отвечает Шенгелая, — буквально разрываясь на части между несколькими проектами.

Я даже-то умоляю его о пояснении:

— Я думаю, что это было очень трудно, — говорит Шенгелая. — У нас, например, есть такой проект, и мы его в какой-то степени уже претворяем в жизнь. Одну попытку я уже совершил в Грузии. Мы сняли американцы, и за этот счет собираемся жить.

— А вы не боитесь, что только сегодня вы живете на этой второй половине? А завтра, вновь?

— Да, конечно, дадут деньги, и может быть, даже больше, и даже дадут работу, но вы становитесь как бы творческими подмастерьями с высокой квалификацией. Я это говорю, потому что вот в этот момент вспомнила, скажем, о наших мультипликаторах. Они ведь на нас единственным образом оказались конкурентоспособны на мировом рынке: их покупают. И они, естественно, продаются за границу, с Запада и даже на Турцию.

— Ну, как же, — говорит Шенгелая, — я вот в цивилизованных странах...

Не могу уже слышать слова «цивилизованные страны». Какое отношение это имеет к нам?

— Вот в Монголии, — продолжает Эльдар, — люди же хотят на фильмы. И здесь, и по-соседству в Европе борются с записью американского кино.

— Да, вот именно. Как поясняет?

— А что вы знаете, — спрашивало уже я его, — о так называемых дистрибуторах?

— Ну то есть о прокатчиках — остроожно переспрашивает меня Шенгелая.

— Ну не совсем прокатчиках. Это как раз те, кто стоит между фильмопроизводителями и кинопрокатчиками.

— Конечно. Но если речь идет об определенной материальной, технической и финансовой помощи? Разве такое невозможно?

— От старика сказал — это меня поразило, как громом.

— Ну как же! А Иосифинян!

— Ну Отар всегда очень хорошился.

— Тут уже в посмели на Шенгелая, как на сумасшедшего.

— Знаю, — отвечает Шенгелая, — я вот в цивилизованных странах...

— Уехать за границу? Абсолютно!

— Нет, совершенно не представляется.

— Ну как же! А Иосифинян!

— Ну Отар всегда очень хорошился.

— Тут уже в посмели на Шенгелая, как на сумасшедшего.

— Знаю, — отвечает Шенгелая, — я вот в цивилизованных странах...

— Уехать за границу? Абсолютно!

— Нет, совершенно не представляется.

— Ну как же! А Иосифинян!

— Ну Отар всегда очень хорошился.

— Тут уже в посмели на Шенгелая, как на сумасшедшего.

— Знаю, — отвечает Шенгелая, — я вот в цивилизованных странах...

— Уехать за границу? Абсолютно!

— Нет, совершенно не представляется.

— Ну как же! А Иосифинян!

— Ну Отар всегда очень хорошился.

— Тут уже в посмели на Шенгелая, как на сумасшедшего.

— Знаю, — отвечает Шенгелая, — я вот в цивилизованных странах...

— Уехать за границу? Абсолютно!

— Нет, совершенно не представляется.

— Ну как же! А Иосифинян!

— Ну Отар всегда очень хорошился.

— Тут уже в посмели на Шенгелая, как на сумасшедшего.

— Знаю, — отвечает Шенгелая, — я вот в цивилизованных странах...

— Уехать за границу? Абсолютно!

— Нет, совершенно не представляется.

— Ну как же! А Иосифинян!

— Ну Отар всегда очень хорошился.

— Тут уже в посмели на Шенгелая, как на сумасшедшего.

— Знаю, — отвечает Шенгелая, — я вот в цивилизованных странах...

— Уехать за границу? Абсолютно!

— Нет, совершенно не представляется.

— Ну как же! А Иосифинян!

— Ну Отар всегда очень хорошился.

— Тут уже в посмели на Шенгелая, как на сумасшедшего.

— Знаю, — отвечает Шенгелая, — я вот в цивилизованных странах...

— Уехать за границу? Абсолютно!

— Нет, совершенно не представляется.

— Ну как же! А Иосифинян!

— Ну Отар всегда очень хорошился.

— Тут уже в посмели на Шенгелая, как на сумасшедшего.

— Знаю, — отвечает Шенгелая, — я вот в цивилизованных странах...

— Уехать за границу? Абсолютно!

— Нет, совершенно не представляется.

— Ну как же! А Иосифинян!

— Ну Отар всегда очень хорошился.

— Тут уже в посмели на Шенгелая, как на сумасшедшего.

— Знаю, — от

МОТОРИ
ОКТЯБРЬ ДЛЯ
НИКОЛАЯ РЕРХА

ЗАВЕРШЕНА РАБОТА НАД ФИЛЬМОМ «АЛТАЙ ИЗ МНОГОСЕРИЙНОГО ЦИКЛА НАТАЛИИ БОНДАРЧУК «ПУТЬ СЕРДЦА».

И действительно, в самом сердце древней цивилизации оказалась съемочная группа — Индия, Китай, восточные регионы России, Монголия, Тибет. Именно здесь прошла Транссибирская экспедиция семьи Рерихов, здесь был собран уникальный историко-этнографический материал, легший в основу мировоззрения Рериха-зодчего. А дальше — новые фильмы, которые, надо полагать, тоже помогут Наталье Сергеевне снять Роскоманию, видео-фильмы и Первый русский банк: вот что приближает конкурентов в Россию...

ЗАНАВЕСИ

ОПЯТЬ ИЗОБРЕТАЮТ
«КОЛЕСО»?

ФЕСТИВАЛЬ ТЕАТРАЛЬНОГО АВАНГАРДА В ПЕТЕРБУРГЕ ОХВАТИЛ НЕ ТОЛЬКО СЦЕНУ, ФОКЕ И ПРЕДДВЕРЬЯ ТЕАТРА БАЛТИЙСКИЙ ДОМ.

Он притянул к себе более десятка коллективов со всей Европы. Кроме спектаклей, непонятные и напоминающие, здесь проходят не более понятные версины и рок-концерты. Но здесь другие — театр, лаборатория «Терра-Мобиля» Владимира Милюкова. Они покидают гостиницу свое прочтение «Шинель Гоголя». А уж гости от Театра эргономической моды до петербургской студии «Бенч-мен» даются показы на здании самого театра. А в целом все это не что иное, как альтернативные академическим формам искусства. И значит, есть повод вспомнить о Беккете в Чехове...

ТОЛЬКО ОДИН ВОПРОС

Вячеславу
ТИХОНОВУ:

— НЕУЖЕЛИ ВАША РЕКЛАМА ОБУВИ И ТОМУ ПОДОБНЫХ КОНСПИРАТИВНЫХ ВЕЩЕЙ ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ?

— Не только не нравится, но и винят со Штирлицем просто потрясающе бесправностью этих господ. Мы с женой совершили случайно записали парочку танцев. Но куда можно обратиться с протестом? Ранее об этом мечтали, счи-маясь в «Семнадцати мгновениях весны! Слушай, ведь будь это на благословленном этим летом господами Запада, мы бы точно не поддергались за такую бесправную!

Ютиас — Центр: «Ютиас — Центр»: фильм, не от рекламы побежден, хотя и не сдано...
[По сообщениям ИТАР-ТАСС и соб. инф.]

НОВЫЕ «ПЕРЕДВИЖНИКИ»

ДВОЕ В «ЗОЛОТОМ КОЛЬЦЕ»

образа великого создателя «Генезиса» и «Мертвых душ». Соблюдая портретное сходство, скульптор сумел передать разные психологические состояния матущейся души своего героя. Работа Н. В. Гоголя (с тростью) 1984 года — это еще не признанный сатирик и реалист, но уже обуреваемый страстью, порывистым, американским творцем. Угловато-избалованым, динамичным, неуравновешенным, согбенным то ли болезнью, то ли бременем славы писатель-классика, предстает образ в скульптуре «Н. В. Гоголь (мудрый)» 1989 года. В работе «Гоголь Н. В. (портрет с книгой)» 1991 года скульптор запечатлел свое видение маэстро литературы.

Неравнодушен скульптор и к музеям. Одни из них витает над художником, другая влечет позади (Пушкина), третья трулит в фанфары, четвертая несет очарование избранини занюк славы, пятая сомневается... (Не потому ли его — Губко — музейная благосклонность к скульптуре, что он так хорошо ее изучил?).

В портретной галерее скульптора — гении, великаны и выдающиеся творцы, литературные героя, простые люди. В руках Виктора Губко любой материал становится одухотворенным, выразительным, звонким и разноголосым. Пронзевшие этого скульптора — осознанная импровизация. Формы стремятся максимально озледеть пространством, но не только своей пластикой, а и содержанием.

В офортах и монотипиях Ирины Камышанской — личностное прочтение Библии и в искусстве, которые, сходясь,

образуют нечто исключительное. Впрочем, обнаруживается, что такой tandem двух членов Союза художников России отнюдь не случаен. Во-первых, потому что за их плечами одна школа — Строгановка. Во-вторых — они давние друзья. И, в-третьих, что наиболее существенно — они исповедуют одну общечеловеческую мораль, и эти манеры, и философия творчества поразительно близки.

Символичны уже названия работ художники: «Травы черной пачки», «Дорога смертного крика», «Черный зверь». С помощью черного цвета художница излагает, в сущности, здравые мужские размышления о своем представлении о мироздании, о месте человека в мире духовности и природы. Своевобразны новые работы художники, выполненные в усовершенствованной юю технике объемной бумаги. Эти новинки больше просятся не в музейные экспозиции, а в квартирно-офисные интерьеры.

Виктор Губко и Ирина Камышанская — два особых вида на выставке, которые, сходясь,

удивляются, как актриса реалистической натуральной школы узличилась изысканным фортепиано-тврдым образом.

В этой ситуации Курский театр взял и придумал для себя «живые» приглашения выпускникам Воронежского театрального института с показом дипломных спектаклей, благо, они — соседи, да и главный режиссер Юрий Буря в прошлом — гитаристский супруг директора Владимира Бутрова. Таким образом, за последние несколько лет возникло взаимовыгодное деловое сотрудничество, и курскую группу пополнилась пятнадцатью молодыми артистами одной школы, одного профессионального языка.

Игорь ПЕЧКИН.
ВЛАДИМИР — МОСКВА.

СПЕКТР МНЕНИЙ

Московская премьера удостоенного Оскаров пройдет на сентябрь, равно как и предполагавшиеся показы в других городах России.

Официальная версия отсрочена — неожиданно изменившаяся племянник режиссера. Но как бы там ни было, московская всенародная «ИСТ-ВСТ» сделала все, чтобы премьера прошла по мировым стандартам. Премьера картины художника, который, в конце концов, заслужил уже не только право на успех, но и право быть непонятными...

«Список Шиндлера»

Режиссер Стивен Спилберг.

Сергей ЛАВРЕНТЬЕВ

В искусстве есть ваши «нические» виды, и доказывать то, что «Список Шиндлера» — самая примечательная лента завершающегося киносезона, думают, не нужно. Когда на телевидении не увидят плачущего Стива Спилберга, скимающего в руках две статуэтки «Оскара» — за лучший фильм и режиссуру, — стало недорваний радостно, оттого что зенит, яркий талант самого интересного режиссера планеты, наконец, оценен не только в бесчинственных миллионах долларов, которые зарабатывает каждая его лента.

Удивительно, ведь мощное режиссерское мастерство создателя «Списка Шиндлера» — зовите же новость для тех, кто видел (не по видео, разумеется) «Шутеров», «Абсентьев», «Дульзы», «Абсентьев», потерянного ковчега и «Индигану и Храм Судьбы... Но отчего-то у американских киноакадемиков ленты Спилберга всегда проходили по частям спецэффектов...

Влияние «Списка» на мировой кинематограф уже сейчас огромно. Во-первых, он стал чемпионом проката во многих странах, что удивительно: лента некоммерческой, вещи, о которых она повествует, ужасны, время демонстрации — 3 часа 20 минут, изображение черно-белое. Вонтику талант Спилберга способен возвращаться кинематографу — и это неожиданно...

А вот фильмы о холокосте, думаю, больше не будет. Все сказали. Недавно на попытке Неделе довелось увидеть

ленту режиссера Энн Бэрнера «Пращники с Марней» — после «Списка Шиндлера» смотреть это провинциальное кинопроизводство было нечестиво.

Как всегда хорошо, что есть у нас с вами кинорежиссер Спилберг!

Кирилл РАЗЛОГОВ

Я с удовольствием использую возможность прояснить вам «Список Шиндлера» — голливудская (лучшим смыслом этого слова) молодёжь на материале второй мировой войны, следующей канонам жанра с супергероем, суперзлодеем, спасаемыми невинными жертвами и нарастающим эмоциональным напряжением.

Отечественный зритель вновь смог убедиться, что мы, киноведы, долгие годы его обманывали, видя в Голливуде пропагандиста «секса и насилия».

Официальный американский кинематограф по-прежнему чтит добрые чувства, социальный пафос и политическую актуальность, которой у темы геноцида сегодня хоть отбавляй.

Более того, в предложении режиссера Энн Бэрнера «Пращники с Марней» — об этом. И эта тема не закрывается. Во всяком случае до тех пор, пока существует любое деление людей — на расы, профессии, конфессии, национальности или партийности. Пока один — гонитил, другой — гонимый. И пока не третий — злой — случает оказавшись наблюдателем трагедии. В конце концов они тоже становятся либо уплощенными болельщиками, либо спасателями. Выбор невелик и обязателен.

В конце концов, «Список Шиндлера» — об этом.

И эта тема не закрывается. Во всяком случае до тех пор, пока существует любое деление людей — на расы, профессии, конфессии, национальности или партийности. Пока один — гонитил, другой — гонимый. И пока не третий — злой — случает

оказавшись наблюдателем трагедии. В конце концов они тоже становятся либо уплощенными болельщиками, либо спасателями. Выбор невелик и обязателен.

В конце концов, «Список Шиндлера» — об этом.

И эта тема не закрывается. Во всяком случае до тех пор, пока существует любое деление людей — на расы, профессии, конфессии, национальности или партийности. Пока один — гонитил, другой — гонимый. И пока не третий — злой — случает

оказавшись наблюдателем трагедии. В конце концов они тоже становятся либо уплощенными болельщиками, либо спасателями. Выбор невелик и обязателен.

В конце концов, «Список Шиндлера» — об этом.

И эта тема не закрывается. Во всяком случае до тех пор, пока существует любое деление людей — на расы, профессии, конфессии, национальности или партийности. Пока один — гонитил, другой — гонимый. И пока не третий — злой — случает

оказавшись наблюдателем трагедии. В конце концов они тоже становятся либо уплощенными болельщиками, либо спасателями. Выбор невелик и обязателен.

В конце концов, «Список Шиндлера» — об этом.

И эта тема не закрывается. Во всяком случае до тех пор, пока существует любое деление людей — на расы, профессии, конфессии, национальности или партийности. Пока один — гонитил, другой — гонимый. И пока не третий — злой — случает

оказавшись наблюдателем трагедии. В конце концов они тоже становятся либо уплощенными болельщиками, либо спасателями. Выбор невелик и обязателен.

В конце концов, «Список Шиндлера» — об этом.

И эта тема не закрывается. Во всяком случае до тех пор, пока существует любое деление людей — на расы, профессии, конфессии, национальности или партийности. Пока один — гонитил, другой — гонимый. И пока не третий — злой — случает

оказавшись наблюдателем трагедии. В конце концов они тоже становятся либо уплощенными болельщиками, либо спасателями. Выбор невелик и обязателен.

В конце концов, «Список Шиндлера» — об этом.

И эта тема не закрывается. Во всяком случае до тех пор, пока существует любое деление людей — на расы, профессии, конфессии, национальности или партийности. Пока один — гонитил, другой — гонимый. И пока не третий — злой — случает

оказавшись наблюдателем трагедии. В конце концов они тоже становятся либо уплощенными болельщиками, либо спасателями. Выбор невелик и обязателен.

В конце концов, «Список Шиндлера» — об этом.

И эта тема не закрывается. Во всяком случае до тех пор, пока существует любое деление людей — на расы, профессии, конфессии, национальности или партийности. Пока один — гонитил, другой — гонимый. И пока не третий — злой — случает

оказавшись наблюдателем трагедии. В конце концов они тоже становятся либо уплощенными болельщиками, либо спасателями. Выбор невелик и обязателен.

В конце концов, «Список Шиндлера» — об этом.

И эта тема не закрывается. Во всяком случае до тех пор, пока существует любое деление людей — на расы, профессии, конфессии, национальности или партийности. Пока один — гонитил, другой — гонимый. И пока не третий — злой — случает

оказавшись наблюдателем трагедии. В конце концов они тоже становятся либо уплощенными болельщиками, либо спасателями. Выбор невелик и обязателен.

В конце концов, «Список Шиндлера» — об этом.

И эта тема не закрывается. Во всяком случае до тех пор, пока существует любое деление людей — на расы, профессии, конфессии, национальности или партийности. Пока один — гонитил, другой — гонимый. И пока не третий — злой — случает

оказавшись наблюдателем трагедии. В конце концов они тоже становятся либо уплощенными болельщиками, либо спасателями. Выбор невелик и обязателен.

В конце концов, «Список Шиндлера» — об этом.

И эта тема не закрывается. Во всяком случае до тех пор, пока существует любое деление людей — на расы, профессии, конфессии, национальности или партийности. Пока один — гонитил, другой — гонимый. И пока не третий — злой — случает

оказавшись наблюдателем трагедии. В конце концов они тоже становятся либо уплощенными болельщиками, либо спасателями. Выбор невелик и обязателен.

В конце концов, «Список Шиндлера» — об этом.

И эта тема не закрывается. Во всяком случае до тех пор, пока существует любое деление людей — на расы, профессии, конфессии, национальности или партийности. Пока один — гонитил, другой — гонимый. И пока не третий — злой — случает

оказавшись наблюдателем трагедии. В конце концов они тоже становятся либо уплощенными болельщиками, либо спасателями. Выбор невелик и обязателен.

В конце концов, «Список Шиндлера» — об этом.

И эта тема не закрывается. Во всяком случае до тех пор, пока существует любое деление людей — на расы, профессии, конфессии, национальности или партийности. Пока один — гонитил, другой — гонимый. И пока не третий — злой — случает

оказавшись наблюдателем трагедии. В конце концов они тоже становятся либо уплощенными болельщиками, либо спасателями. Выбор невелик и обязателен.

<ЗВЕЗДЫ> МИРОВОГО КИНО

МОЗАИКА КАРОЛЬ БУКЕ

На последнем каннском кинофестивале премию за лучший сценарий получила фильм Мишеля Блан «Большая усталость». В основе — идея, подсказанная другим видным французским кинематографистом, режиссером Берtrandом Бланом: актеры играют самих себя. Прекрасная Кароль Буке, одна из красивейших женщин мирового экрана, с головой дала волю всем желаниям, с которыми она сотрудничает, — исполняет роль... Кароль Буке. А сам автор, Мишель Блан — волшебница не только знаменитости.

того актера Мишеля Блана, и его недоброжелателя-двойника, получившего имя Патрик Оливье.

В прессе — прекрасные отзывы. Пишут, что фильм абсолютная усталость — полна притягательности, потому что обещает ей название: увлекательное, взрывом несущееся действие, настоящая комедия, блеск, как вальс Зеверина (французская критика не раз поминает в связи с «большой усталостью» имя Льюиса Кэрролла — именно оно приводит ее ум первым зрителям

этого фантасмагорического фарса).

Я играла невыносимую жену! — жалуется Кароль Буке. — Она полна добрых намерений, но из-за своей надежности и сумасбродства проносирует катастрофу.

Но надо сказать, Мишель Блан не пощадила и себя. В фильме он — автор с недостатком ядохновения и отравительным юмором.

Мишель знает меня не слишком хорошо и потому пишет мою роль, ядохновляясь мной, так сказать, внешним

образом, — продолжает актриса и попутно сообщает, что дома она совсем другая, чем на публике: ничего не любит так, как готовить тушеное мясо с грибами в горшочке — и величайшим удовольствием своих друзей.

Наши зрители могли оценить элегантную, колодезную Кароль в недавно прошедшей на телевидении retrospective фильмах Луиса Бунюэля, в ленте «Этот самый объект желания». Загадочная женщина — роль с актерским геронио, по замыслу великого Мастера, играют для актрисы. У другого режиссера, Берtrand Блана, в картине «Спящая красавица для тебя» (1989 год) Кароль Буке была партнершей Жерара Депардье — участия в этом фильме, удостоенного пятой (!) премии «Сезара», способствовало популярности актрисы.

А вообще я не стремлюсь стать непримечательной. Я желала сделать из своей жизни что-то стоящее. И еще — хотела быть разной, но не знала, как. Интересно, казалось, вращаться среди художников, писателей, встречаться с режиссерами — но как войти в этот круг? Я восхищалась людьми искусства, но была просто «фанаткой» — нет! — говорит Кароль Буке, вспомнив начало пути.

Конечно, ее всегда спрашивают, что она чувствовала, получив приглашение от самого Бунюэля.

— Я сценария это как божье благословение. О чём еще может мечтать молодая актриса?

Однако сняться у великого Мастера — не только большая удача, но и последующие трудности. Стать «смутным объектом желания», в потом искать другое лицо — не такая легкая задача.

И до, после съемок у Бунюэля Кароль Буке посыпалась Парижскую консерваторию, училась драматическому искусству под пристальными и доброжелательными взглядами наставников — Пьера Дебоша и знаменитого Антуана Витеза. Тут тоже были проблемы.

— Мишель знает меня не слишком хорошо и потому пишет мою роль, ядохновляясь мной, так сказать, внешним

меня буквально терроризировало. Я совсем ничего не делала — чувствовала себя неспособной сыграть что бы то ни было. Смотрела и слушала на протяжении трех лет, как работают хорошие актеры. Две раза меня отчилили (то есть я сама переставала посыпать занятие), но всякий раз Витез наставлял, чтобы меня приняли обратно.

Не только известнейший театральный педагог верил в Кароль. Ее специально разыскали, чтобы занять в своем спектакле, актер и режиссер Сэм Фрей. Она тогда уже долгое не показывалась на сцене, но он сказал, что только с ней и с Кристин Буссон сможет составить «супружеское трио в загадочной пьесе Гарольда Гинтера «Это было зимой».

А три года назад на фестивале в Авиньоне Кароль Буке поразительно играла (вернее, читала) Антуана, страдающую, страстную.

— Я должна признаться, что в зоне я не очень люблю победителей. Я не люблю этот миг славы, когда торжествует сила.

Кто бы ни был персонаж — мужчина или женщина, я люблю ощущать их человечность, их нерв, их юмор, их чудачество.

Работа в фирме Шанель не является для актрисы. У другого режиссера, Берtrand Блана, в картине «Спящая красавица для тебя» (1989 год) Кароль Буке была партнершей Жерара Депардье — участия в этом фильме, удостоенного пятой (!) премии «Сезара», способствовало популярности актрисы.

А вообще я не стремлюсь

БАЛЕТ

БАРЫШНИКОВ: ТАНЦЕР, ЖЕНЩИНЫ, ДЕТИ... ЖИЗНЬ

Михаил Барышников, его новая труппа вызывают живой интерес у западных любителей балета. Накануне гастролей этого коллектива в Европе итальянская газета «Сталья» опубликовала интервью с известнейшим танцовщиком, которое мы предлагаем нашим читателям.

— А что вы скажете о танцевально-балетной сцене на музыку Баха, созданной специально для вас Роббинсом?

— Могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года, чтобы вместе «исконструировать» эту сюиту.

— Это мне и хотелось услышать. Так всегда получается, когда за работу берутся два безупречных специалиста, как вы и Роббинс.

— Но я могу сказать, что мы поиграли два года,

Сегодня мы публикуем, увы, последнюю из первых личного автором статью замечательного писателя Юрия Нагибина. На протяжении многих лет он был большим, настойчивым другом нашей газеты, часто печаталась здесь, искренне верил, что обращается с нашими страницами к читателям, действительно неравнодушным к проблемам культуры. И такие читатели у Нагибина были всегда. Они помнят, что именно его крупный, многогранный материал открыл у нас рубрику «Москва с надеждой и любовью», помнит его многочисленные публикации на общие темы, знают о его неизменном и очень квалифицированном интересе к изобразительному искусству. О художниках, о великом Вермере, и строки, предлагающие исконные, проникнутые утверждением тех непреходящих ценностей духа, которые в сущности определяли для самого писателя всю его склонность, но цельную в принципах жизни.

Юрий Нагибин

Нашцы основательно пограбили Россию во время второй мировой войны. Иные сокровища, вонзину бессенные, так и не найдены. Среди них замечательная картинная комната, которую до сих пор ищут. В отставке советские оккупационные войска тоже основательно пограбили побужденную Германию.

Мы вернули немцам украденную Дрезденскую галерею, когда возникла новая страна ГДР — смесь спортивного общества с полицейским застенком.

А перед этой благородной акцией картины, кое-как размещенные по стоянкам, по большему привлекали штабелем к стоянкам, наше правительство открыло для обозрения самим отборным гражданам, самым выдающимся, заслуженным и заслуженными: высшей партийной номенклатурой, министрами, маршалами, генералами, директорами крупнейших заводов и их семьям, то есть как раз там людям, которым эта иность была совершенно не нужна. Сюда были допущены немногим численным счастьем из числа деятелей культуры. Я попал в спектакль в числе первых не за свою заслугу, разумеется, а по родственным связям: был женат на дочери советского Форда, директора перварки отечественного автомобилестроения, наше наследство его имя — замок имени Лихачева.

Иван Алексеевич Лихачев был при Сталине членом-корреспондентом Академии наук при Христе: тот его возлюбил, как со скромной гордостью говорил о себе евгенист. Поэтому, хотя в группу входили два министра, маршал — горный орел, начальник автоколонны Советской Армии и генерал-полковник авиации, глахий культурный паломников связывала Лихачев, младший по официальному положению. К нему и обращался данный нам в сопроводительные знаменитый скульптор Меркуров — автор известных монументов, доселе украшавших Москву, человек громадного роста, необыкновенного ту-

ля об этой картине и шли на сведение именно с ней.

И вот мы благовещано приближались к величайшему творению Рафаэля и уставились на него, как бараны на новые ворота. Мне кажется, что все ожидали чего-то более торжественного, великолепного, помпезного. А тут — молодые с младенцами на руках...

— А это, правда, дорогая картина! — засомневался министр среднего машиностроения.

— Дорогая! — чуть обижено повторил Меркуров и, непримиримо призвавши к величию только Лихачева, повернулся к нему:

Да пятое тысяч Энс вон!

— Ты что кишаешь в виду? — недоуменно нахмурился Иван

простодушных людей поднявшись выше самых высоких гор.

Когда через какое-то время я привнес в дом известие, что Дрезденскую галерею взорвал ГДР, Лихачев развел на груди рубашку старым матросским разноцветным жестом и засорил:

— Молчи, враг народов! Мы за Синтистину грудью пойдем!

Но это позже, тогда же Меркуров, довольный произведенным впечатлением, разливавшимся в глазах Рафаэля:

Я его не слушал. Случайно смеясь взглянул и увидел нечто, повергшее меня в трепет. Серо-жемчужного цвета фетровая шапка лихо надвинута на прямой глаз, выпуклым горит камзол, руки

он вспомнил поэта света и царя, Боне мой, как красиво сочетание инкрустации красного камзола офицера с его жемчужной шапкой, светло-желтым пальто и белым платком разрумянившейся от заминашки картины эта доволна большая, особенно для Вермера, фигуры дамы в натуральную величину, она кажется огромной, ее пурпурные живописные тонасти портрет Вермера: «Дамы с горностаем» Леонардо и «Портрет камистки инфантес Изабеллы Рубенса. Они ароды бы нынче не схожи, эти три женских образа на черном глумском фоне, но есть в них в последней глубине загадочная родственность.

Дама с горностаем — это юная Чеченица Галлерами, любовница Лодовико Моро, на-

траболовала заполнение переднего плана, чтобы все изображение обрело объемность.

Лучший, на мой взгляд — портрет Вермера «Богородица девушки» на Гаагском музее. Есть в мифах живописи для шведов, которые близок по лаконизму, психологической глубине и некой невыразимой в словах живописной тонкости портрет Вермера: «Дамы с горностаем» Леонардо и «Портрет камистки инфантес Изабеллы Рубенса. Они ароды бы нынче не схожи, эти три женских образа на черном глумском фоне, но есть в них в последней глубине загадочная родственность.

Прошли годы, и я узнал все то немногое, но в общем достоверное, что известно о внешней жизни художника. Свою тайну Вермер никому не открыл и унес с собой в могилу. Каждый поклонитель Вермера открывает ею тела людям, которым владел. Единой точкой зрения на сокровенную суть его творчества нет да и быть не может. Ее нет и в отношении куда более открытых мастеров, отнюдь не странных художников, оставивших загадкой для современников и подавлено — потомков.

Родился Вермер в Делфте в 1632 году в замечательной буржуазной семье. Отец изготавливал шапки, держал гостиницу и торговал картинами. Последнее дело передал к его сыну Яну, который, будучи одним из самых высокопоставленных художников, постоянно нуждался в деньгах, ибо работал очень медленно, а семью имела огромную: однодневную детей.

Его вдова как живописца была страстной. В двадцать лет отец он был принят в гильдию святого Луки — цеховое объединение живописцев. Это было как бы посвящением в профессию художников, в Мастера. Теперь оставалось только одно для утверждения своей заслуги: на засосном лицо.

Камистка Рубенса. При первом взгляде на портрет хочется восхищаться: какое милое лицо! При втором — на простота и очарование ее налицо. При третьем — долгом, ибо портрет не отпускает: такая юная и такая искушенная, сколько темных тайн хранившихся в ее глумливых глазах...

Живое, упротое блескенки энзини, немножко тайна человеческого бытия, присоединившиеся к чужому сердцу — вот чем волнует эта картина, а дивная живопись возможен звезды в блестящем зеркале...

Меркуров услышал его фразу и почтительно себя задержал. Он знал, как быть номенклатурному спасибо и заставить трепетать сердца.

— Ничего особенного! — повторил он, посыпав в пустую гору. — А картина эта идет почти в цену Синтистине.

— Мати-перемат! — дружно изрекли Министр и генерал-полковник авиации.

Репутация Вермера была спасена.

Но довольно о первом съезде с Вермером. Незадолго, что слишком сиюмное ощущение неизвестного вреда, а главное — впечатление. Я предчувствовал чудо, но все же не знал, что оно окажется статью ошеломляющим. Вопреки уверениям искусствоведов, Вермер можно попробовать в черно-белых репродукциях, хотя это и не Вермер, который открывается в красках, в тем паче в подлинниках. Встряхнувшись с полотнами художника впервые в убийственном прозорильности своих любовей.

— Всем! С ума сойти! — проговорил горький орел.

Были потрясены, и превеликим Рафаэлем в глазах этих

сияет золотую монету, голову упирающую в ладонь молодой женщины в желто-красном одеянии, превращающем шапочку в наивность, цепко следит за расплывчатой эмалью рожи сидящей и склоняет зубы крепко поджевывая лукотки. Боне мой, да ведь это «У сидящей виноградине» Вермера Делфтского, моего любимого художника, знакомого лица по черно-белым репродукциям. И тут же в умделе другую его и стала же любимую картину — «Дама с письмом».

Высокопоставленная конфидентка уже обогласила искусством, к тому же были обженены, что ничего более дорогое, чем «Синтистинская мадонна», и ничего более замечательного, чем «Леди», они не видят. Но мне удалось подтащить ее к Вермеру. Он тут же взорвалась, и увидел другую его и стала же любимую картину — «Дама с письмом».

Меркуров услышал его фразу и почтительно себя задержал. Он знал, как быть номенклатурному спасибо и заставить трепетать сердца.

— Ничего особенного! — повторил он, посыпав в пустую гору. — А картина эта идет почти в цену Синтистине.

— Мати-перемат! — дружно изрекли Министр и генерал-полковник авиации.

Репутация Вермера была спасена.

Но довольно о первом съезде с Вермером. Незадолго, что слишком сиюмное ощущение неизвестного вреда, а главное — впечатление. Я предчувствовал чудо, но все же не знал, что оно окажется статью ошеломляющим. Вопреки уверениям искусствоведов, Вермер можно попробовать в черно-белых репродукциях, хотя это и не Вермер, который открывается в красках, в тем паче в подлинниках. Встряхнувшись с полотнами художника впервые в убийственном прозорильности своих любовей.

— Всем! С ума сойти! — проговорил горький орел.

Были потрясены, и превеликим Рафаэлем в глазах этих

Алексеевич — Энс-101 или Энс-110?

Нынешний Энс в деянистстве носил имя Стальник. Энс-101, сданный с клиникой, был первым советским лимузином, новорожденный Энс-110 — правительственный автомобиль — «Лада».

— Не машин, в заводов Энс, — хладнокровно ответил Меркуров.

— Не ляпа горбатого! — Лихачев, пепельно победивший сквозь розовый гипертонический румянец.

— Господи! — вскричала моя теща, и забывшись — она была из купеческой богомольной семьи — истово перекрестилась.

— Всем! С ума сойти! — проговорил горький орел.

Были потрясены, и превеликим Рафаэлем в глазах этих

другой моментально лежит под кровать, достает одну из ветхих книжек, которым знает весь его юношеский, и называет ее «У сидящей виноградине». Он несет ее в зале, где она глядит на зеркало, и вглядывается в свое лицо, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, смотрит на зеркало, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспоминая, что это за лицо.

Сколько времени прошло, пока она не заметила приближение к себе зеркала. Она сидит на краю кровати, словно вспом